

Смена

февраль
2002

- Александр Экштейн **Путь к Юпитеру**
- Борис Сопельняк **Последний предатель**

Тяжелый покер

Андре БЬЕРКЕ

Есть два вида тишины: мирная и зловещая. Тишина падающего снега и тишина там, где взрывают скалу — в те мгновения, когда пламя бежит к динамиту по зажженному фитилю. Люди, играющие в покер с высокими ставками, иногда тихи, как снежинки. Но это иная, грозная, тишина — тишина зажженного фитиля, которая следует за истошным криком: «Эй, берегись! Шулер!»

Вот и теперь в дачной гостиной у доктора Хагена царила оглушительная тишина. Она прерывалась лишь легким шелестом карт о крышку стола. Сегодня сдавал хозяин вечера: карты бы-

ли быстро и методично поделены на четыре кучки. По пять в каждую...

Хаген взял в руку свою кучку. Ему было лишь чуть более пятидесяти, но выглядел он намного старше: опухшее, в красную крапину, лицо ясно свидетельствовало о том, что сам он не следил медицинским предписаниям, которые давал своим пациентам. В его массивном бокале содержалось куда больше виски, чем содовой, и так было на протяжении многих лет. Но когда он садился к карточному столу, в глазах появлялось выражение мрачной, беспощадной энергии, составлявшей разительный контраст с вялыми чертами лица. Он обращался с картами собственным, непревзойденным, профессиональным методом, как заправский крупье в казино. Большая груда фишек перед ним явно говорила о том, кому сопутствовала удача в этот вечер.

Он приподнял свою кучку и выкинул самую нижнюю карту. Затем кивнул остальным:

— Банк, господа. Валетное начало!

Мужчина, сидевший слева от Хагена, был его сверстником, но обладал внешностью более солидной и благообразной, носящей отпечаток его почтенной буржуазной профессии. Крон — оптовый торговец фармацевтическими товарами. Сегодня вечером он много проиграл, и его худое лицо превратилось в сплошную сеть горестных морщинок, а уголки рта повисли. Теперь он развертывал свои карты узким веером, открывая лишь уголки с обозначением достоинства. Ему не удалось скрыть приятное удивление: уголки рта взметнулись вверх, а морщины разгладились. Чтобы открыть партию, нужно иметь, как минимум, два валета, а этим он как раз и располагал. Наконец-то несколько приличных карт! Крон выбросил на стол круглую фишку:

— Приходится раскошелиться. Пять сотен!

Моллерюд, сидевший напротив хозяина, был заметно моложе трех остальных игроков, но и в других отношениях он также не вполне вписывался в эту кампанию. Выражение его лица было попеременно то слишком возбужденным, то совершенно отсутствующим. Бросив быстрый взгляд на карты, он стал смотреть в большое окно, словно пытаясь на несколько секунд высвободиться из-под нервного прессинга игры. За окном в саду сверкала листва больших каштановых деревьев. Только что прекратился ливень, и из-за облаков показалась луна. Навстречу слабому свету лампы устремился лунный свет из окна, вокруг ближайших к окну предметов появились двойные тени — оранжевые и голубые. Моллерюд всегда обращал внимание на такие вещи — даже во время игры в покер. Замечать их было неотъемлемой частью его профессии, ибо он был живописцем.

Воинственный возглас Крона возвратил художника к миру с более резкими контрастами. Он почесал свою пышную взлохма-

ченную шевелюру и отработанным движением бросил на стол пять длинных фишек.

— Да. Я в игре.

— И я тоже, — добавил четвертый участник партии Гюндерсен. Это был лысый, благообразный господин, вполне спокойно воспринявший происходящее. Его присутствие в таком обществе казалось несколько неожиданным, ведь его специальностью было страхование. Но, видно, и в человеческой душе образуются двойные тени, когда пересекаются свет лампы и свет луны. А контрастной тенью страхового агента как раз и является игрок в покер.

Хаген тоже был в игре, в связи с чем ставки повысились уже до 2000 крон. Он взял в руки карточную колоду: пришло время для «прикупа».

— Сколько карт, Крон?

— Три, пожалуйста.

— А тебе, Моллерюд?

— То же самое.

— Гюндерсен?

Страховой агент на мгновение замялся. Затем принял решение, отложил одну карту и буркнул:

— Мне еще одну.

Он не сразу посмотрел на нее. Сначала просто вставил в свой веер. Три пары глаз изучали каждый оттенок выражения на его лице. Ноздри выдавали разочарование, глаза сияли радостью. Подождем, увидим!

Хаген отложил колоду, раскрыл свой веер и глотнул виски с содовой из стоящего подле него бокала. Теперь взгляды были устремлены на него.

Моллерюд наклонился вперед:

— Ну, а ты сам?

— Мне не надо. У меня все в ажуре.

— Чтобы оставаться в игре, нужно каждый раз добавлять по пять сотен, — проворчал Крон.

Моллерюд вновь почесал голову. Он разглядывал свои пять карт с таким обескураженным видом, будто изучал надпись на незнакомом языке. Затем захлопнул свой веер и вынул одну из коротких фишек высшего достоинства: тысячу.

— Повышаю еще на пятьсот.

Наконец и Гюндерсен оценил свой прикуп, бросил быстрый взгляд на остальных, и карты с тихим шелестом упали на стол.

— Нет, этот покер слишком тяжел для меня.

— Ага! Страховой агент подает в отставку? — Хаген констатировал это со своей характерной любезной улыбкой, походившей на волчий оскал. Для него самого покер никогда не был тяжел. Теперь он выбросил целую пригоршню длинных фишек и добавил одну короткую. — Тогда еще тысячу!

— Итак, я должен поставить пять сотен? Пусть, — вздохнув, проговорил Крон, и одна круглая и одна короткая прямоугольная фишкы покатились через стол.

Моллерюд закусил нижнюю губу и испытующе взглянул на Хагена, который в ответ посмотрел на него без всякого выражения. Этот обмен взглядами вызывал ощущение громового раската. Художник вновь опустил глаза, словно испуганный столкновением с чем-то тяжелым и грубым, но не сдался и на этот раз. Подавив смятение, отсчитал фишкы еще на две тысячи крон.

— Я тоже повышаю на тысячу.

Гундерсен, превратившийся в пассивного наблюдателя, зачарованно смотрел на трех отчаянно сражавшихся игроков, это было настолько интересно, что он совершенно позабыл о горечи собственных потерь. Кон в центре стола буквально ломился от обилия разноцветных плоских кирпичиков — красных, желтых, зеленых и голубых.

— Еще тысячу! — Слова Хагена прогремели, как выстрел. И остров вырос.

Впервые за все время партии Крон не выглядел столь уверенным. Горящим взглядом он буравил обоих соперников. Кто из них опаснее? Затем с тяжелым вздохом произнес:

— Да, да...

И вновь были выложены фишкы. Однако на этот раз Крон уклонился от повышения ставки.

Но и Моллерюд уже выдохся и воспользовался возможностью поставить точку в игре. У него оставалась только одна короткая прямоугольная фишка, он водрузил ее на самую вершину острова.

— Я понял вас. — На лице Крона вновь появилось самоуверенное выражение. Он открыл все свои карты — одну за одной. Пять многозначительных шлепков о крышку стола: валет — валет — валет — двойка — двойка. — Пожалуйста, «фул хаус»!

Хаген вновь ослабился с леденящей душу любезностью.

— Прошу прощения, но здесь есть кое-что и посильнее. — Он развернул свой веер быстрым взмахом. В нем была только одна червонная дама, а все остальные — восьмерки.

— «Каре» — четыре одинаковые карты! — со стоном бросил Моллерюд свои карты, не показывая их.

Через минуту Хаген уже подсчитал свои фишкы, которые рядами возвышались прямо перед ним, как этажи небоскребов. Он сделал записи в блокноте и теперь был готов огласить итоги.

— Итак, результат сегодняшнего вечера следующий: Гундерсен должен уплатить 5 400 крон, Моллерюд — 7 600, и Крон — 13 000.

Гундерсен и Моллерюд вынули свои бумажники. Страхоганг аккуратно развернул большие купюры и сложил их ровной стопкой, с достоинством и деловито, как будто выплачи-

вал страховую сумму при пожаре. Живописец швырнул пачку тысячных и сотенных бумажек, словно выбрасывал макулатуру в мусорную корзину. Казалось, он находился на грани нервного срыва.

— Мне всегда кажется, что на моих руках дерьмо после этих покерных партий. Пойду-ка умоюсь.

— Модные живописцы зарабатывают столько не облагаемых налогами денег, что их ни капельки не жаль, — сухо заметил Хаген и кивнул на дверь, ведущую в коридор: — Ванная там.

Моллерюд вышел из комнаты. Крон достал свою чековую книжку и уже приготовился писать в ней шариковой ручкой, но Хаген протестующе поднял руку:

— Нет, так не пойдет! Только наличными!

С видимой досадой Крон тоже был вынужден достать свой бумажник. Он уже передал деньги, и тут его внимание привлекли карты Моллерюда, плотной кучкой лежавшие у края стола. Он схватил их и повернул лицевой стороной вверх.

— Что же это такое? — Затем резко повернулся к Моллерюду, который в этот момент вошел в комнату. — Теперь я понимаю, почему ты чувствуешь дерьмо на своих руках. Куда делась твоя пятая карта? Здесь их только четыре.

— Четыре? — Молодой художник изобразил на лице удивление. — Разумеется, у меня было пять карт.

— А не засунул ли ты случайно одну из них в башмак? — У Крона уже начинали бледнеть скулы. — Или одарил Хагена одной из восьмерок? Как-нибудь под столом?

— Ну, знаешь ли! Это наглайшая... — Моллерюд нагнулся и подхватил с ковра "шестерку треф", у самой ножки стола. — Вот она. Наверное, отлетела, когда в конце игры я бросил карты.

— Или, может быть, наш хозяин сбросил ее туда? Чтобы, скажем, не оказаться с шестью картами на руках в момент их открытия!

Обвинение в шулерстве привело к жаркой сцене между двумя господами. Хаген пока не вмешивался, но его и без того распухшее лицо вздулось еще больше. Гюндерсен был все еще молчаливым наблюдателем, но в его глазах появился новый, напряженный блеск.

— Слушай-ка, ты! — Моллерюд стукнул кулаком по столу. — Я же сам проиграл сегодня вечером 7 600 крон...

— Все это обратится в солидную чистую прибыль, когда ты и доктор начнете дележку! — отрывисто продолжал Крон. — Я уже заметил, что или ты, или Хаген неизменно оказываетесь победителями на наших покерных вечерах.

— Как ты смеешь клеветать на меня и обвинять в шулерстве!

Крик гулко раскатился в стенах, и с таким же звонким резонансом прозвучал саркастический ответ:

— Ну, я-то уж знаю, какую власть имеет над тобой Хаген. Он может заставить тебя делать все, что угодно!

Во время гвалта одна из дверей в комнате открылась, и в дверном проеме показалась женщина с усталым, строгим и печальным лицом. Коротко подстриженные волосы лежали в беспорядке, на ней были шлепанцы, брюки и короткий халат. Она бросила мимолетный взгляд на собравшихся, зажигая сигарету, и сказала:

— Нельзя ли потише? Мне бы хотелось хоть ночью отдохнуть.

Гюндерсен в ответ учтиво поклонился:

— Простите, фру Хаген, мы сейчас же разойдемся.

— Да, судя по шуму, вы так разошлись, что дальше некуда! — язвительно ответила женщина.

Хаген злобно и бесцеремонно зашипел на жену:

— Тебя это не касается. Марш в постель!

Она исчезла, но дверь оставила приоткрытой.

Теперь Крон наклонился к хозяину. Он говорил намного тише, но не менее угрожающе.

— Верни мне и Гюндерсену деньги, которые с нас взыскал!

Хаген похлопал себя по внутреннему карману:

— Наличка есть наличка, а игра есть игра, господин бизнесмен.

— Я немедленно пойду в полицию! — Оптовик был в ярости.

— А как ты докажешь свое обвинение? — спокойно спросил Хаген. — У тебя есть свидетели? — Он посмотрел на двух остальных. Гюндерсен пожал плечами. Моллерюд был нем, как рыба. У победителя вечера вновь появился волчий оскал. — Ступай, ступай в полицию. И донеси на себя самого — за клевету и оскорблении!

Крон рванулся к двери, ведущей в коридор.

— Ну, берегись! Ты еще у меня дождешься!

Дверь с шумом захлопнулась. Через несколько секунд послышался соответствующий хлопок наружной двери.

Хаген направился к окну с полным бокалом виски, распахнул его, сделал глубокий глоток из бокала и проворчал:

— Ух! Ему явно надо проветриться.

— Он, наверное, совсем рехнулся! — выпалил Моллерюд.

— В последнее время коммерческие дела Крона идут все хуже и хуже, — вставил Гюндерсен. — Это было, должно быть, большим ударом для него.

— Ты хочешь сказать, он заработал нервное истощение?

— Опухоль мозга — вот мой диагноз, — пробурчал Хаген и сделал еще один глоток.

Гюндерсен направился к нему, и, когда заговорил, в его голосе появилась новая интонация:

— Лучше бы ты позаботился о своем собственном здоровье!

— А, и ты мне грозишь? — прошипел Хаген.

— Вовсе нет. Меня беспокоит твое больное сердце.

— Считаешь, я слишком много пью? — Хаген подошел к столу и поставил на него полупустой бокал. — Спасибо, уж врач-то

знает свою норму. И у него есть скополамин в аптечке. Впрочем, я вполне подхожу под ту категорию, которая в твоей отрасли называется «хорошая жизнь». Ты ведь сам оформил превосходный полис по страхованию жизни.

Гюндерсен обернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

— На этот страховой полис ты не имел права: ты — самая настоящая «плохая жизнь». Твоя медицинская справка — о, да! — в своем покере ты мастак.

— Не смей наводить критику на мою профессиональную этику! — рявкнул Хаген. — Лучше подумай о своей собственной. Кто бы мог представить себе страховщика в роли азартного покерного игрока?

Стенные часы пробили одиннадцать протяжных ударов. Пьяный врач, шатаясь, направился к стулу у окна и опустился на него. Он с нежностью обхватил свой бокал.

— Прощайте, господа, и спасибо за вечер!

Несколько мгновений спустя оба гостя уже стояли в прихожей, хозяин их не провожал. Они торопились надеть на себя верхнюю одежду. Гюндерсен задержался на пороге, холодным взглядом окинул комнату и пробормотал:

— Да, это и есть плохая жизнь.

Последние гости покинули дом в начале двенадцатого. А час спустя Хаген был найден мертвым в той самой комнате, где проходила игра. Вскрытие показало, что смерть была вызвана отравлением, она, должно быть, наступила между половиной двенадцатого и четвертью первого. В ходе полицейского допроса было получено детальное описание того, что происходило во время игры в покер и последовавшей за ней сценой расплаты. Допросом руководил полицейский Монсен из криминального отдела на Виктория-террасе; ему сразу же удалось установить, что совершено убийство. На это ясно указывали все обстоятельства дела.

Во время первого допроса четверо участников события отчитались также в том, чем каждый из них занимался в критический момент — в полночь. Блокнот Монсена был испещрен пометками, и все вместе они сплетались в очень интересную ткань, но он все еще был не в состоянии полностью воссоздать ее узор.

Гюндерсен прямо отправился домой на своем автомобиле. Он проживал неподалеку от виллы Хагена, на той же западной окраине Большого Осло. Чтобы добраться туда на машине, требовалось несколько минут. Однако, оказавшись у своей холостяцкой квартиры, он обнаружил, что не может найти ключ от входной двери, хотя хорошо помнил, что положил его в правый карман пальто. Должно быть, в суматохе надел чужое пальто, и теперь ему придется вернуться и отыскать свое собственное. Он знал, что ни у кого из гостей такого пальто не было, стало быть,

он надел пальто хозяина. Когда Гюндерсен вновь вышел из автомобиля, он посмотрел на свои наручные часы: было четверть двенадцатого, Хаген, наверняка, еще не лег. Земля в саду перед домом Хагена была грязной и скользкой после недавнего ливня, Гюндерсен поскользнулся и упал. Поднявшись и стряхнув с себя самые крупные комья грязи, он позвонил в дверь. Открыла фру Хаген, на ней все еще были халат и брюки, и она курила сигарету. Гюндерсен объяснил, в чем дело, и она его впустила. В прихожей Гюндерсен снял пальто, показал свои руки, пояснив, что упал и выпачкался в грязи, и попросил разрешения умыться в ванной. Вернувшись, он извинился, что испачкал пальто Хагена. Фру Хаген нашла его собственное пальто и помогла ему надеть его, заметив при этом: «Ничего страшного. Этим пальто он почти никогда не пользовался». Но Гюндерсен настаивал, что пальто нужно развесить для сушки. Женщина указала ему на комнату, и он повесил пальто на спинке стула вблизи от электрической печки. Хаген хранил во сне на своем стуле за карточным столом. Перед ним стоял наполненный до краев бокал виски. После этого Гюндерсен откланялся, вышел и поехал домой.

Фру Хаген подтвердила показания страхового агента, но добавила кое-что от себя. Мытье в ванной продолжалось что-то уж слишком долго, ее это насторожило. В стене ванной комнаты имеется окно, которое обращено на лестницу, ведущую на второй этаж. С лестницы, на расстоянии нескольких метров, можно видеть угол внутри ванной комнаты. Женщина вышла на лестницу и увидела, что Гюндерсен стоит перед аптечкой на стене и копается в ней, казалось, он там что-то ищет. Вынимал ли он что-нибудь из пузырьков, она не видела, так как обзор загораживала дверца аптечки. Может быть, у него болела голова, и он искал аспирин? Ей вдруг стало стыдно, что она подглядывает, и она вернулась в прихожую.

На вопрос, была ли она с Гюндерсеном в комнате, фру Хаген ответила: «Нет, я туда не входила. Я всегда чувствовала отвращение, когда видела мужа в таком состоянии». Войдя, Гюндерсен закрыл за собой дверь. Когда он снова вышел, то сказал: «В комнате спит ваш муж». Она ответила, что он часто спит таким вот образом. Прошаясь, Гюндерсен попросил прощения за позднее вторжение, а она неожиданно для себя спросила: «Не нужно ли вам принять таблетку аспирина?» Услышав этот вопрос, он осталబенел, казалось, его хватил удар. Затем молча вышел и быстро направился к своей машине.

Рассказ женщины о том, что она увидела в окно ванной комнаты, подтвердился в ходе полицейского расследования. Отпечатки пальцев гостя были найдены на аптечке и на некоторых пузырьках, стоявших в ней. Гюндерсен жил один и не мог доказать свое алиби на критический промежуток времени.

У Моллерюда было алиби вплоть до половины двенадцатого — его видели кельнер и гардеробщица небольшого ресторана.

Часть его показаний во время допроса оказалась настолько важной, что Монсен ее даже застенографировал. Было записано буквально следующее:

«Та отвратительная сцена меня глубоко потрясла, я забежал в ресторанчик, находившийся у подножия холма, на котором стояла вилла Хагена, и влил в себя примерно пол-литра до его закрытия... Затем пошел к дому. Дождь кончился, и небо прояснилось, все вокруг было освещено великолепным лунным светом. Вдруг я увидел нечто необычное. На дороге остановился автомобиль, и я узнал его: «кортина» Крона. Его передняя часть была обращена к вершине холма: Крон ехал к своему дому, но внезапно повернул обратно. Я спрятался в тени одного из деревьев. У края дороги стоял Крон и смотрел на виллу Хагена в бинокль. Я пытался рассмотреть объект его наблюдения, но дом находился выше того места, где я стоял, к тому же, я, увы, близорук. Все же я смог разглядеть, что свет в окне, обращенном в сад, был потушен, но само окно открыто... Вдруг Крон пошел к автомобилю и положил бинокль на заднее сиденье. Затем начал быстро подниматься наверх, а во время подъема неожиданно исчез за поворотом. Некоторое время я стоял и выжидал, но он так и не появился. Я отправился домой...»

Часть показаний Крона тоже была записана стенографически. Бизнесмен излагал вполне откровенно и обстоятельно.

«...Да, это правда. Я в самом деле поехал обратно: у меня в голове возник отчаянный план. Потеря 13 000 — это катастрофа для меня, и я был полон решимости вернуть деньги... Нет, я не считал это воровством, фактически, меня самого обокрали в шуллерской игре. Я думал, как мне проникнуть в дом: увидел, что окно гостиной все еще открыто, но свет внутри погашен; ясно было, что все гости разошлись... Но тут произошло нечто удивительное. В темной комнате в оконном проеме показался человек. Он вылез из окна, спрыгнул вниз и побежал через сад, исчезнув в зарослях кустарника. Ну да, я узнал его. Светила луна, а у меня прекрасное зрение, и к тому же я смотрел в бинокль. Это был Гюндерсен... Я знал, что поблизости есть телефонная будка, и пошел ее искать, но прошло не менее десяти минут, пока я ее нашел. Глупо, конечно, можно было просто пойти и позвонить в дверь. Но, как я уже сказал, я был совершенно сбит с толку...»

Рассказ Крона о телефонном звонке и последующем визите на виллу подтвердила фру Хаген. Она мыла посуду, когда зазвонил телефон. Разговор был такой:

— Это фру Хаген?.. Говорит Крон, я звоню из автомата поблизости. Знаете ли вы, что несколько минут назад в вашем доме была совершена кража со взломом?

— Боже мой, что вы такое говорите? Несколько минут назад я слышала, как в комнате разбилось стекло, и в ней раздавался какой-то шум, но...

— Где ваш муж?

— Он сидел и спал на стуле после того, как вы разошлись. Мертвецы пьян... Ах, я так боюсь! Вы можете мне помочь?

— Я сейчас же приду.

Через несколько минут Крону отворили. Войдя в дом, он указал на дверь комнаты:

— Вы входили туда, фру?

Она очень сильно нервничала.

— Нет, я не решилась... Может быть, вы пойдете и посмотрите?

Он открыл дверь, зажег свет и вошел в комнату. Чуть позже послышался его голос:

— Можете войти, фру. Ваш муж мертв.

Хаген сидел в неестественной позе на стуле у карточного стола. Перед ним на ковре лежали осколки бокала. Фру чуть не упала в обморок, увидев это. Крон поддержал ее, затем нагнулся, поднял один из осколков, прикоснулся к нему кончиком языка и сказал:

— Странный вкус у этого виски... Посмотрите, есть ли при нем бумажник.

Она стала искать в карманах пиджака Хагена. Бумажник исчез.

— Итак, убийство с целью ограбления. — Крон указал на разутые ноги трупа. — Ваш муж снимал ботинки?

— Нет, они тоже исчезли. Наверное, кто-то их снял.

Крон подошел к открытому окну и выглянул в сад.

— Я видел, как из этого окна выпрыгнул человек... Вероятно, он не хотел оставлять здесь следы своих собственных ботинок.

Женщина опустилась на стул.

— Что нам теперь делать?

В этот момент раздался бой часов. Крон кивнул на циферблат.

— Полночь. Это время мы должны запомнить. — Затем прошел в прихожую к телефонному аппарату и набрал номер. — Алло... Это криминальная полиция?

Человек, которого, как утверждал Крон, он видел в бинокль, не был призраком, осталось много его следов.

С помощью вскрытия и химического анализа виски в осколках бокала была установлена причина смерти; осушив бокал, Хаген принял смертельную дозу скополамина. В очень малых дозах это ядовитое вещество принимается как лекарственное средство при сердечных приступах, но в больших количествах оно опасно для жизни. Хаген был сердечником, и смерть, должно быть, наступила мгновенно. Пузырек со скополамином находился в аптечке в ванной. Здесь, как на самом шкафчике, так и на некоторых пузырьках, были найдены не только отпечатки

пальцев Гюндерсена, но еще и Моллерюда: последний ведь тоже «отмывался» как раз сразу после той роковой партии.

Во второй половине следующего дня Монсен зашел к своему коллеге Клаусу Вангли. Тот сидел, углубившись в чтение газеты, и Монсен был неприятно удивлен, когда увидел, что она раскрыта на спортивных страницах.

— Что тебя здесь так заинтересовало?

— Перекидной способ. — Вангли указал на фото, запечатлевшее прыжок в высоту: прыгун преодолевал планку с помощью вращательного движения, обратив лицо к земле. — Красиво, не правда ли?

— Перекидной способ? — переспросил Монсен со вздохом.

— Я всегда интересовался спортивной техникой. А ты? — Вангли приветливо улыбнулся.

Его собеседник опустился на стул, он устал после напряженной многочасовой работы.

— Знаешь что, Вангли? Все же это Виктория-террасе, криминальный отдел. Чем ты занимаешься в рабочее время?

— Моим хобби.

Самоуверенный тон разъярил Монсена.

— Опять ты со своими хобби!

— Да, конечно. Мне они необходимы, по службе, разумеется. — Вангли вновь указал на фотографию с изображением прыжка в высоту. — Тебе никогда не приходило в голову, что некоторые преступления удивительно похожи на спортивные выступления?

Монсен на протяжении многих лет наблюдал и не мог понять методы работы своего коллеги, они были, мягко выражаясь, нетрадиционными. Сам Монсен рассматривал службу в полиции как серьезное и ответственное дело, работа здесь должна выполняться методично и основательно, в соответствии с предписанными правилами. Для Вангли же, какказалось, главное не предписания, а его собственные многочисленные хобби, которым он предан до самозабвения. Правда, Монсен был вынужден признать, что, пользуясь своими увлечениями для расследования преступлений, его коллега добивался ошеломляющих результатов. Он как бы играющи продвигался к раскрытию криминальной загадки, и, как это было ни удивительно, оно часто оказывалось правильным. Все это заставляло добросовестного служаку Монсена обращаться к эксцентричному детективу-хоббисту с особо сложными и запутанными делами. Так произошло и на этот раз.

Монсен вынул конверт из кармана пиджака.

— Ты говоришь, что преступления похожи на спортивные выступления? Пожалуй, иногда так и бывает. Например, в данном случае. Возможно, здесь мы имеем дело с искусственным спортсменом.

— Ты имеешь в виду покерное убийство? — Вангли был уже полностью в курсе дела.

— Да, покерное. — Монсен вынул из конверта две фотографии и положил их рядом с раскрытым газетой. — Раз ты так сильно интересуешься спортивной техникой, вот тебе две картинки, впрямую относящиеся к твоей теме.

— Прыжок через лужу в саду?

— Именно. Но только прыжок не в высоту, а в длину. Что скажет наш спортивный эксперт?

Вангли стал изучать обе фотографии. На первой крупным планом было изображено место толчка: четкий отпечаток подошвы правого ботинка. Вторая показывала место приземления с отпечатками обоих ботинок, поставленных почти рядом друг с другом; на ней был особенно четко виден узор подошвы.

— Каково расстояние между толчком и приземлением?

— Два метра тридцать сантиметров.

— Значительно ниже национального рекорда Норвегии. Пока что больше ничего не могу сказать. — Вангли вновь обратился к газете, фотография перекидного способа была явно куда интересней.

Монсен посмотрел на часы.

— Я вызвал всех четверых для повторного допроса. Они будут здесь в половине пятого, а сейчас как раз около этого... Не желаешь ли принять участие?

— Н-да, я ведь тоже здесь работаю, как ты сам же мне напомнил. Почему же нет?

— Браво. Мы устроим им перекрестный допрос. — Монсен вложил фотографии в конверт и снова засунул его в карман. — Убери эту несчастную газету — и за дело!

Первым допрашивали Гюндерсена. Он вел себя спокойно и сдержанно.

— Сегодня ночью, в то время, когда вы находились в ванной комнате, за вами наблюдала фру Хаген... Что вы искали в аптечке?

Страховой агент был готов к этому вопросу и ответил без запинки:

— Когда я умывался, то обнаружил, что дверца аптечки открыта. Мне показалось это любопытным. Я вспомнил, что Моллерюд побывал в ванной сразу же по окончании игры и выглядел очень возбужденным. Я заподозрил, что он лазил в аптечку именно за успокаивающими таблетками. Когда Крон выступил со своими обвинениями, он сказал, что Хаген имеет « власть » над Моллерюдом — как его лечящий врач — и может заставить того сделать все, что угодно. Итак, я искал в аптечке именно наркотики. Найди я их, это было бы доказательством того, что Крон правильно возмущался шуллерской игрой. Я тоже был заинтересован, ибо сам потерял несколько тысяч крон...

— Вы нашли то, что искали?

— Нет.

Монсен поднял глаза от записной книжки.

— А сами вы тоже считали, что доктор Хаген обладает над Моллерюдом определенной властью?

Гюндерсен задумался.

— Да... Несколько недель назад я стал свидетелем одной интересной сцены. Мне нужно было проконсультироваться у доктора Хагена по поводу прострела. Вместе со мной в приемной сидел Моллерюд. Он выглядел очень возбужденным и нервозным — точно так же, как и сегодня ночью после игры. Он вошел в кабинет до меня, а когда вышел вновь — был совсем другим человеком: веселым, почти неестественно радостным. Я заметил странный, жутковатый блеск в его глазах.

Монсен внезапно поменял тему. Он сообщил о том, что Крон, по его собственным словам, увидел в бинокль, стоя внизу у дороги. Гюндерсен с возмущением перебил полицейского:

— Нет, я не лазил через окно. Я вышел через прихожую. И сразу поехал домой. Меня не удивляет, что у Крона появились галлюцинации в том возбужденном состоянии, в котором он находился сегодня ночью.

— Во всяком случае, следы ботинок — не галлюцинация, — сухо заметил Монсен. — Их сфотографировали. Ну, к этому мы еще вернемся.

Вангли вставил:

— Вчера вы говорили с Хагеном о полисе по страхованию жизни. Какова величина страховой суммы?

— 200 000 крон.

— А кому была бы выплачена эта сумма в случае смерти Хагена?

— Жене.

— Какие отношения были между супружами?

Гюндерсен скрчил гримасу.

— В последнее время — более чем прохладные. Ее совсем не радовали его запои, а он, со своей стороны, рассматривал ее как приживалку. Думаю, что развод был не за горами.

— Разрешите задать вам под конец один нескромный вопрос, — проговорил Вангли с доброжелательной улыбкой. — Что общего человек с вашим характером и образованием может иметь с таким персонажем, как Хаген?

Гюндерсен был, видимо, польщен вопросом и ответил с предельной откровенностью.

— Мы друзья со школьной скамьи. Он был отличным парнем в прежние годы... Но в последнее время с ним стало твориться что-то неладное. Например, чтобы оформить у меня полис по страхованию жизни, он представил липовую медицинскую справку, и лишь недавно я узнал, что он страдал тяжелым пороком сердца... Но настоящий шок я испытал сегодня

ночью: даже не подозревал, что он превратился в пьяницу и шулера!..

Фру Хаген также была спокойна во время допроса, отвечая на вопросы бойко и деловито. Она привела себя в порядок по этому случаю и уже не казалась такой неряхой, как ночью, волосы были тщательно причесаны, жемчужно-серый выходной костюм безупречен. Конечно, когда мужчины собираются для расследования убийства, нужно быть одетой иначе, чем для их покерных сеансов.

Она отказалась поверить в то, что ее муж жульничал по време игры.

— Нечестным он никогда не был, хотя мог быть и грубым, и бесцеремонным, особенно когда пьян.

— Стало быть, вы оказались свидетельницей жестокой сцены, разыгравшейся после партии в покер, — вставил Вангли сочувственным тоном. — Как вы на нее реагировали?

— Я была глубоко потрясена. Казалось, что в воздухе витала идея убийства.

Она рассказала, чем занималась, когда гости разошлись. А потом нагрянул Гундерсен за своим пальто.

Теперь настал черед Монсена.

— Как я понимаю, Гундерсен был несколько минут один в комнате, где спал ваш муж, не правда ли?

— Да, конечно, после того, как побывал в ванной. Он находился в комнате, пока развешивал у печки испачканное пальто.

— Вы видели, чем он там занимался?

— Нет, он закрыл за собой дверь.

— Он потушил свет, когда вышел оттуда?

— Дайте подумать.. По-моему, нет...

— Следовательно, свет в комнате горел и после ухода Гундерсена?

— Да...

— Спасибо. Продолжайте.

Женщина сняла перчатки и взяла их в правую руку. Затем достала зажигалку и портсигар из кармана костюма.

— Здесь можно курить?

— Да, пожалуйста. — Вангли пододвинул пепельницу.

Она зажгла сигарету и сделала глубокую затяжку.

— Когда Гундерсен ушел, я продолжила мытье посуды. Несколько минут спустя из комнаты послышался какой-то звук. Я приложила ухо к стене и стала слушать. Вдруг раздался крик: «Пошел вон! Я сказал, пошел вон!» И я услышала звон разбитого бокала, который упал на пол...

— Эту деталь вы не упомянули во время ночного допроса, — заметил Монсен.

— Нет, я сначала не придала этому значения, я часто слышала, как он разговаривает сам с собой по ночам.

— Почему вы не вошли к нему?

— Просто не осмелилась. Однажды с ним случился приступ белой горячки, и он был очень опасен. Теперь я понимаю, что в комнате с ним мог находиться кто-то еще... Было примерно без четверти двенадцать. А через семь-восемь минут позвонил Крон.

Тут вмешался Вангли:

— А когда Крон открыл дверь комнаты, в ней было темно?

— Да. Ведь он зажег люстру.

— Вы не входили туда после ухода Гюндерсена, тогда свет был зажжен. Стало быть, кто-то потушил его в этот промежуток времени?

— Да, конечно. — Она слегка поежилась, будто от озноба. — Наверное, убийца.

— Что вы сделали прежде всего, когда узнали, что ваш муж отравлен?

Она потушила окурок, вдавив его в пепельницу.

— Я пошла в ванную, так как имела определенное подозрение. В аптечке стояли сердечные лекарства, которые принимал мой муж. С самой нижней полки исчез пузырек со скополамином. Я видела его там до прихода гостей, следовательно, кто-то из них взял его.

Моллерюд вибрировал в полицейской конторе еще сильнее, чем во время дознания на вилле Хагена. Глаза бегали, руки не успокаивались ни на минуту. Казалось, он был на грани коллапса.

Но Монсен выглядел беспощадным.

— Отпечатки ваших пальцев найдены на аптечке Хагена, а также на пузырьках и мензурках. Вы что-то принимали, пока были в ванной?

— Да-а! — ответил допрашиваемый, задыхаясь.

— Вы видели пузырек с черепом на нижней полке?

— Нет... не могу вспомнить...

Монсен с инквизиторским видом перегнулся через конторку.

— Разве вы не помните, как попросту изъяли его и положили себе в карман?

— Нет! Нет! — панически выкрикивал художник. Он закрыл лицо руками на несколько секунд. Затем вновь показались глаза. — Я искал нечто другое... ибо мои нервы были... я пытался найти амфетамин.

— А что такое амфетамин? — Вангли сделал вид, что не знает этого.

— Один из барбитуратов — какие-то такие таблетки, которые применяются в медицине для лечения... нервозных состояний.

Монсену часто приходилось иметь дело с наркоманами. Он имел нюх на этот тип людей, и такое узнавание не доставляло ему радости.

— Стало быть, вы лечились у доктора Хагена, и он давал вам это «успокаивающее» средство?

— Да-а!

— И постепенно вы впали в зависимость от пилюлок?

— Да, я уже не мог обходиться без них. — Моллерюд быстро прибавил: — Но теперь буду отвыкать.

Вангли посмотрел на него и кивнул с состраданием.

— Именно так доктор Хаген и приобрел власть над вами — власть, которой он злоупотреблял?

— Да, это так. — Ответ прозвучал непроизвольно, художник развел руками. — Но я не занимался шулерством сегодня вечером! Я бы никогда не пошел на это!

Вновь вступил Монсен:

— Никогда бы не пошел? А что же вас заставлял делать Хаген?

Моллерюд запнулся, но тут же нашелся:

— Он заставлял меня быть своим партнером на этих сеансах. У нас была секретная система оповещения, с помощью которой мы сообщали друг другу, какие имеем карты на руках...

— Система оповещения?

— Да — код, наподобие того, которым пользуются «телепаты», «читающие» чужие мысли. Столько и столько-то слов означают это и то, первые буквы в словах сообщают нечто другое и так далее. Когда один из нас имел особенно сильную карту, мы вместе старались поднять ставки. Таким образом или увеличивался выигрыш, или противник выбывал из игры.

— После чего вы и делили этот выигрыш? — Глаза Монсена стали узкими, как щелки. — Разве это не называется шулерской игрой?

Художник ответил сдавленным голосом:

— Да... мне самому это было не по душе, но такова цена Хагена за его таблетки.

Вангли переглянулся с коллегой: не было смысла добивать беднягу. Затем мягко спросил:

— Каково ваше впечатление об отношениях герра и фру Хагенов?

Моллерюд облегченно вздохнул после такой перемены в технике допроса.

— Отношения ледяные. Я был поражен, когда увидел, как она стоит в дверном проеме и чиркает спичкой, чтобы закурить. На руке, державшей спичечный коробок, отсутствовало обручальное кольцо.

Монсен наклонился вперед.

— Вы, должно быть, сохранили завидное хладнокровие в самый разгар скандала, раз могли сделать такое наблюдение?

— Я художник-портретист, моя специальность — наблюдать человеческие руки. А на эту руку я обратил внимание: у нее та-

кие тонкие, гибкие, белые пальцы. Я бы с удовольствием написал эту руку, и...

— Благодарю вас, — оборвал его Монсен. — Ваши творческие идеи имеют, к сожалению, весьма малое отношение к делу.

Бизнесмен Крон стремился выдержать деловой стиль и во время допроса, его отчет был сухим, лаконичным и обобщенным, как маркетинговый анализ. Он мало что мог добавить к своим предыдущим показаниям. Но одна небольшая деталь заставила усомниться в достоверности его показаний, несмотря на «объективный» характер изложения.

Его попросили дать подробное описание того, что он увидел в бинокль, стоя внизу у дороги. Он рассказал, как человек наверху вылез из окна. Спрыгнув на землю, он на мгновение обернулся. Большая часть лица была закрыта широким шарфом...

Услышав это, Монсен вздрогнул.

— Шарф на лице. Почему вы не сказали об этом раньше?

— Потому что считал не особенно существенным. — Бизнесмен скрестил на груди руки, как бы стремясь оградить себя. — Все же я его узнал. Это действительно был Гюндерсен.

— Позвольте, но каким образом вы могли его узнать?

— По фигуре. По манере двигаться. И, конечно, я узнал его пальто.

— Да. Гюндерсен носил очень характерное темное пальто с широким кожаным воротником.

Вангли не смотрел на свидетеля, он следил за движениями мухи по оконной раме, тщетно пытавшейся проникнуть сквозь стекло.

— Разве вы не знаете, что у Хагена было точно такое же пальто?

— Нет. Я его никогда не видел.

— Понятно. Фру Хаген упоминала, что муж почти никогда не надевал его. — Взгляд Вангли переместился с суетящейся мухи на бизнесмена. — Но ведь когда вы вошли в комнату и увидели труп, вероятно, обратили внимание, что на стуле висит пальто рядом с печкой?

— Ну, если вы так говорите... — Выражение лица было уже не таким уверенным. — Да, там действительно висело пальто. Я не зафиксировал на этом свое внимание, в той ситуации и без этого было многое, о чем пришлось думать. Но теперь я припоминаю, что фру вынесла его и повесила на вешалку в прихожей, она сказала, что пальто высохло. Это было как раз в тот момент, когда я звонил в полицию — да, конечно. Любопытно... А почему сушилось пальто?

— Прошу прощения, но здесь мы задаем вопросы, — проворчал Монсен. — Господин Крон, вы оптовик по аптечным товарам, не правда ли?

— Да.

— Вам, вероятно, известно действие скополамина?

— Конечно. Я знаю свое дело.

Полицейский вновь угрожающе перегнулся вперед.

— Вы, вероятно, и были поставщиком этого вещества?

— В аптеки города Осло, да. Что вы хотите этим сказать? В моей деятельности нет ничего противоправного. Скополамин — общепризнанный лекарственный препарат. Департамент медицины...

— Спасибо, нам это известно.

Монсен перешел к следующему щекотливому вопросу. Кро-на видели внизу у дороги в 11.40. Телефонная будка находится совсем рядом, но он позвонил фру Хаген лишь через десять минут после того, как исчез на глазах у Моллерюда. Почему для этого потребовалось так много времени? Оптовик подтвердил свои предыдущие показания: он не сразу смог найти будку, она находилась в стороне от дороги, и сначала он запутался. Записная книжка Монсена пополнилась еще одной записью: «К. мог залезть в дом, убить Хагена, а затем побежать к телефонной будке».

Вангли поставил заключительную точку в допросе:

— Осмелюсь спросить, были ли вы в ванной комнате в течение вечера?

— Надо подумать... — Крон манерно выставил свою холеную руку. — Да, был. Около девяти часов, мыл в ванной руки.

Когда последний свидетель ушел, Вангли подмигнул коллеге:

— Еще одно умывание рук. Обязательно занеси это в свой протокол.

Монсен перелистал весь исписанный блокнот.

— Так, так... Все четверо могли взять ядовитое вещество в ванной. Ни у кого из них нет безупречного алиби, и у каждого есть вполне определенный мотив для убийства. Возьмем жену: классический мотив, связанный со страхованием жизни. Моллерюд оказался в лапах наркоакулы: мотив — месть. У Гюндерсена и Крона Хаген отобрал большие денежные суммы. Все трое мужчин хорошо знали, какую сумму положил в свой бумажник победитель вечера. Он обобрал их на 26 000. Мотив — ограбление.

— Но мог ли кто-нибудь из четырех сделать это? — вставил Вангли. — Все ли имели возможность всыпать яд в бокал Хагена?

— Пока не знаю. — Монсен перевернул еще один листок блокнота. — Жена могла сделать это когда угодно: после ухода гостей или пока муж спал. Гюндерсен — когда вошел в комнату, чтобы развесить пальто для сушки. Моллерюд — еще до ухода... Вот здесь у меня запись. После ухода Крона Гюндерсен и Хаген некоторое время стояли и беседовали у открытого окна: хозяин поставил свой бокал на игральный стол. Они не видели, чем занимался Моллерюд за их спиной. Он мог...

— Стоп. Это совсем не то. — Ладонь Вангли протестующе взметнулась вверх. — В твоей другой записи говорится, что бокал был полупустой. Но когда Гюндерсен вошел в комнату, чтобы развесить пальто для сушки, он увидел, что Хаген спит, а перед ним стоит бокал, наполненный до краев, это ты тоже записал. Иными словами, Хаген выпил предыдущий бокал и налил себе новый перед тем, как заснул. Следовательно, никто из гостей не мог всыпать ядовитое вещество до ухода, ибо этот яд действует мгновенно.

— Умница! Вот это я понимаю, настоящий полицейский! — воскликнул со смехом Монсен, хотя и выглядел несколько сконфуженным. — Да, но у Моллерюда была возможность сделать это позднее. После того, как он покинул ресторан...

— Разве он не стоял у дороги и не видел, как на машине подъехал Крон?

— Так он говорит. Но сам-то Крон не видел Моллерюда. Художник мог вполне находиться наверху на вилле и увидеть приезд Крона из окна. Оно ведь было открыто, как ты помнишь. Да и у самого Крона был шанс проникнуть в дом через окно...

— Что-то уж слишком запутано. — Вангли потянулся. — Нам необходима разрядка, Монсен. Давай-ка пойдем в «Криммен» и попробуем расслабиться.

Маленький кафетерий располагался на несколько улиц ниже террасы, название «Криммен» он получил потому, что был любимым местом отдыха многих сотрудников криминального отдела. Двое полицейских подобрали себе удаленный столик в уголке, где могли поговорить без помех.

Монсен весь обставил тарелочками с деликатесами. Сейчас его нож и вилка были направлены на купол Колизея из итальянского салата. Его страсть к бутербродам хорошо знали в «Криммене», и он находился здесь на спецобслуживании.

А вот Вангли, наоборот, грустными глазами смотрел на маленькую чашку черного кофе, сиротливо стоящую перед ним.

— У тебя такой угрюмый вид, Шерлок. — Монсен был воодушевлен майонезом. — О чем ты думаешь?

— О том, что одежда и человек — это не одно и то же.

— Как так?

— Свидетельские показания Крона напомнили мне о мышьяковой драме в Хамаре. Помнишь очную ставку в Арвике?

— Да, конечно, что-то связанное с шубой.

— Один из самых грубых просчетов, допущенных норвежской полицией. Дама в шубе купила мышьяк в аптеке в Арвике. Во время суда все свидетели указывали на обвиняемую: полиция представила ее в шубе. Но искусный защитник свел на нет это вещественное доказательство: он смог сыграть на огра-

ниченности следователей, как какой-нибудь Ференц Лист на своем рояле. Он доказал, что свидетели опознали шубу, а не саму даму... Не повторить бы нам этой ошибки, Монсен!

— Ну уж нет, будь спокоен. — Улыбка из-за итальянского салата излучала уверенность.

— Н-да... Без смазки колеса явно не поедут. Попробуем освежить ассоциации с помощью кружки доброго пива, — угрюмо проговорил Вангли.

Монсен оторвался от майонеза и с упреком посмотрел на коллегу.

— Я не употребляю алкоголь. Ты же знаешь.

— Боже упаси. Когда я говорю «мы», то имею в виду «я». Милый Монсен-Ням-ням, мне хорошо известно, что ты борешься за трезвый образ жизни, ты ведь член партии «Венстре», короче, «левый»... — Его глаза вдруг широко раскрылись, взгляд стал одновременно отсутствующим и необычайно интенсивным. Казалось, что его взору предстало привидение. — Да, ты левый. И вот она, разгадка!

— Разгадка чего?

— Убийства! Покерного убийства!

Были такие мгновения, когда Монсену казалось, что его коллега страдает тяжелым психическим расстройством. Сейчас как раз наступило одно из них.

— Будь так любезен, изъяснись по-человечески, Вангли. Какое отношение имеет к делу тот факт, что я голосую за «Венстре»?

— Самое прямое! — Визионер встал из-за стола. — Ты раскрыл тайну для меня, а я не хочу оставаться в долгу. Только сначала мне нужно отойти вон в ту телефонную будку. Как ты думаешь, Крон уже дома?

Монсен с недоуменным видом посмотрел на свои наручные часы.

— Наверняка, если только не уехал в город. Что тебе нужно от него?

— Получить ответ на вопрос, который мне не удалось поставить в свое время. Ты ведь вырвал у меня нить допроса, сбил со следа, когда с такой прытью накинулся на его малоприятную профессию... Подожди-ка!

Вангли вернулся через несколько минут. Он уселся на стул с выражением глубокого удовлетворения и щелчком пальцев подозвал официантку.

— Пиво, фрёкен! Большую, холодную, пенящуюся кружку!

— Ну, — спросил Монсен. — Удачный разговор?

— О, очень удачный. Крон излишне суетлив, но с великолепной зрительной памятью — нужно только умело ею пользоваться.

— Что удалось вытянуть из него?

— Я попросил его описать более подробно, как выглядело пальто, которое он рассматривал в бинокль. Помимо цвета и ко-

жаного воротника — не заметил ли он еще что-то особенное? И тогда он сказал, что спереди на пальто были большие пятна грязи... Понимаешь, что это означает?

Теперь на вилке Монсена был бутерброд с говяжьим языком. Но вилка остановилась у его рта.

— Это означает, что... на человеке в саду было надето пальто Хагена.

— Именно. Два пальто похожи, как две капли воды: сам Гюндерсен перепутал их в спешке. И он упал в грязь в пальто Хагена, поэтому его и повесили сушить... Это в точности соответствует моему выводу.

Вилка разгрузилась во рту Монсена и направилась в сторону Вангли.

— А теперь изволь объяснить, при чем здесь «член партии «Венstre»?

Вангли подали его пол-литра. Последовала пауза, пока он наслаждался пивом. Мимики, сопровождавшей глубокие глотки, послужила бы прекрасной рекламой норвежским пивоваренным заводам. Затем он смахнул с себя клочья пены.

— Член партии «Венstre»? Это связано с моим интересом к спортивной технике... Ты, конечно, уже все понял.

— Абсолютно ничего.

— С этими хобби очень интересно, они так часто выручают. — Вангли откинулся на спинку стула с чувством максимального комфорта. — Ты смотрел телепрограмму «Политики на радио-не»? Ее показывали несколько дней назад.

— Нет.

— Так вот, они демонстрировали свои навыки в легкой атлетике: многие из партийных лидеров активно занимались ею в молодости. Сначала были соревнования по метанию диска. Я обратил внимание, что один из них метает снаряд левой рукой, это был как раз член партии «Венstre». Затем стали прыгать в длину. Все, кроме одного, отталкивались левой ногой, а у «левого» на бруске была правая нога. Тебе что-нибудь это говорит?

Задумчивый кивок.

— У того, кто левша...

— ...лучше развита правая нога. Развитие в теле происходит по диагонали. Левша отдает «предпочтение» правой ноге, которой и отталкивается при прыжке. А теперь обратимся к твоим фотографиям. Ты ведь положил конверт в карман пиджака?

Документы вновь легли на стол. Вангли указал на крупноплановую фотографию места толчка.

— Как ты видишь, человек, перепрыгнувший через лужу, отталкивался правой ногой.

Что-то, наконец, стало проясняться в голове у Монсена.

— Другими словами...

— ... мы имеем дело с убийцей-левшой. — Вангли поднялся и взял с вешалки пальто и шляпу. — За дело, господин полицейский чиновник. Пришло время для ареста.

Несколько часов спустя они вновь сидели вдвоем в кабинете Монсена. Хозяин выглядел удрученным и скованным. А вот его коллега, напротив, был в прекрасном расположении духа от своего очередного триумфа.

— Как ты умудрился заставить признаться убийцу?

— С помощью любезности. Убийца часто страдает от того, что ему оказывают недостаточно внимания. Запомни это хорошо, Монсен. Чувство вины преступника — наш лучший союзник. Нужно уметь разбередить его больную совесть. За этим следует признание.

— Ну, знаешь ли! Что-то уж слишком просто.

— Ну да, я, конечно, дал понять, что у нас есть еще в запасе неопровергимые улики. Показал те два снимка. Фотографии отпечатков ног всегда производят впечатление на неопытного преступника: фотоснимки имеют странную доказательственную силу... Во всяком случае, я вырвал признание.

— Вот тебе бы и надо играть в покер, — пробормотал Монсен. — Можешь теперь описать, как все это происходило?

— Это совсем не сложно. Фру Хаген стала свидетельницей сцены расчёта после игры в покер; она сообразила, что у всех трех гостей теперь появился мотив для убийства ее мужа, если бы он был убит, именно они оказались бы под подозрением. Один из них подал ей идею способа убийства — когда она наблюдала его у аптечки в ванной комнате. Как только Гюндерсен удалился, она пошла в ванную и взяла пузырек со скополамином. Войдя в комнату, высыпала яд в стакан виски, стоявший перед Хагеном, после чего разбудила его. Таким образом ей удалось расквитаться с ненавистным супругом и одновременно получить в свои руки полис по страхованию жизни.

Монсена передернуло.

— Но каким образом она заставила его принять этот препарат?

— Очень просто. Она тормошит его, и он просыпается. «Ты бы прилег». Он прищуривается и смотрит на нее злобным взглядом: «Чего надо?» «Я прибираю после гостей», — говорит она и протягивает руку за его наполненным бокалом. Просто и гениально! Ни один муж-алкоголик не потерпит, чтобы жена вмешивалась в его питейные дела. Если она хочет заставить его осушить бокал, ей нужно всего-навсего сделать вид, что она забирает его. Хаген придвигает бокал к себе: «А ну-ка, не командуй! Я пью виски, когда мне это удобно». Он демонстративно подносит бокал ко рту и залпом осушает его. В следующее мгновение падает в конвульсиях на стул, а бокал оказывается на полу.

— И сразу же после этого она слышит, что внизу по дороге едет автомобиль, — подхватил Монсен.

— Точно. Неужели возвращается еще один гость? Она тушит в комнате свет и выглядывает в окно. Совершенно верно: это «кортина» Крона. Он выходит из автомобиля с биноклем в руке, она останавливается и внимательно смотрит: его бинокль направлен вверх, на дом.

Фру Хаген — дама очень сообразительная. Лучшего свидетеля, чем человек у дороги, да еще с биноклем, и не придумаешь. План воплощается в жизнь молниеносно. Брюки уже на ней, недостает пары мужских туфель. Она стаскивает туфли с ног Хагена. На спинке стула висит пальто, похожее на пальто Гюндерсена; она быстро надевает его на себя. Остается только мужская шляпа и шарф: их можно найти на вешалке в прихожей. И вот она готова сыграть маленький спектакль для свидетеля с биноклем — в роли Гюндерсена. Фру Хаген подходит к окну и выпрыгивает на улицу.

Она возвращается в дом через черный ход, забросив башмаки в живую изгородь: демаскировка производится мгновенно. Она не забывает убрать бумажник мужа: ведь это и был главный мотив для игроков в покер, там лежали проигранные деньги. Пальто вновь вешается на спинку стула. И вот она уже готова взять трубку телефона, который в это время звонит в прихожей.

В спешке, однако, фру Хаген забыла о двух вещах: первое — пятна грязи на пальто, и второе — след, на котором она и попалась.

Трои игроков в покер были нормальные правши. А вот фру Хаген — левша. На это косвенно указал во время допроса один из свидетелей, а именно, Моллерюд, который видел, как она зажигает спичку. Он буквально сказал следующее: «На руке, которая держала спичечный коробок, не было обручального кольца». Обручальное кольцо, как известно, носят на правой руке. А если человек держит в правой руке коробок, когда чиркает спичкой, значит, это левша, не правда ли? Я также вспомнил, что во время допроса женщина переложила свои перчатки в правую руку, чтобы вынуть зажигалку и пачку сигарет из левого кармана костюма... Отпечаток ноги в саду окончательно разоблачил ее: она отталкивалась правой ногой, перепрыгивая через лужу, а это движение как раз и характерно для левши.

— Совсем не дурно, — проворчал Монсен. — Но убедит ли такое доказательство суд?

— Во всяком случае, если я лично приму в нем участие в качестве прокурора, — отозвался Вангли. — Очень интересное дело об убийстве. Преступление женщины было быстрой и ловкой импровизацией. Она превосходно владела движениями своей души, а вот непроизвольные движения тела оказалось куда труднее удержать под контролем. Наша левая рука не ведает, что творит наша правая нога... ■

Перевод с норвежского
Владимира СОКОЛОВСКОГО.